

АРЛИ ХОХШИЛЬД

АМЕРИ- КАНСКАЯ ГЛУБИНКА

РЕДНЕКИ,
ХИЛЛБИЛЛИ
И ТРЕЙЛЕРЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Арли Хохшильд

Американская глубинка.

Реднеки, хиллбилли и трейлеры

Серия «Документальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74389351

Американская глубинка. Реднеки, хиллбилли и трейлеры : Родина;

Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-563-8

Аннотация

Книга рассказывает о жизни американской глубинки так называемого Deep South – Глубокого Юга или Диксиленда. Автор книги, после многолетних путешествий по Югу США, повествует о жизни хиллбилли (горцах Аппалачей), о реднеках, каджунах (французах из Луизианы), о жителях трейлерных парков. Автор описывает их мировоззрение, политические взгляды и предпочтения, язык и кухню, традиции этого забытого региона.

Книга во многом помогает осознать, как чувство униженности перед Вашингтоном, разрушение окружающей среды и высокомерие федеральных властей, десятилетиями отказывавших региону в праве на развитие, – в итоге породили трампизм и привели к распространению правого популизма на Юге США.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Путешествие к сердцу	13
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Арли Хохшильд Американская глубинка. Реднеки, хиллбилли и трейлеры

© Хохшильд А., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

Когда я начинала это исследование пять лет назад, меня начало тревожить всё более враждебное разделение нашей нации на два политических лагеря. Для многих левых Республиканская партия и Fox News, казалось, намеревались демонтировать значительную часть федерального правительства, сократить помощь бедным и увеличить власть и деньги уже могущественных и богатых одного процента. Для многих правых само это правительство было элитой, накапливающей власть, создающей ложные причины для усиления своего контроля и раздающей легкие деньги в обмен на лояльные голоса демократов. С тех пор обе партии разорвали свои швы, и на сцене появился Дональд Трамп, ускоривший пульс американской политической жизни. У меня было некоторое понимание либерального левого лагеря, как я думала, но что происходило справа?

Большинство людей, задающих этот вопрос, подходят к нему с политической точки зрения. И хотя у меня тоже есть свои взгляды, как социолог я живо интересовалась тем, как ощущается жизнь для людей справа – то есть эмоциями, лежащими в основе политики. Чтобы понять их эмоции, мне нужно было представить себя на их месте. Пытаясь это сделать, я наткнулась на их «глубинную историю» – переживаемое повествование.

Тема политики стала для меня большим отклонением, но мой пристальный подход – нет. В предыдущей книге «Вторая смена» я сосредоточилась на неизменном вопросе: как родители оберегают заботу и время для жизни дома, когда оба работают вне его. Я сидела на кухонных полах в домах работающих семей и наблюдала, к кому из родителей зовет ребенок, кто из родителей отвечает на телефонный звонок, какую относительную благодарность каждый партнер испытывает к другому. В поисках дружелюбного к семье рабочего места я торчала на парковках у промышленных предприятий и штаб-квартир корпораций, чтобы наблюдать за часом, когда уставшие рабочие отправляются домой («Ловушка времени»), и исследовала фантазии работников о том, в какие отпуска они поедут, на какой гитаре научатся играть, «если бы только у них было время». Я проводила глубинные интервью с филиппинскими нянями («Глобальная женщина») и в маленькой деревне в Гуджарате, Индия, брала интервью у коммерческих суррогатных матерей, которые вынашивают генетических детей западных клиентов («Аутсорсинговое „Я“»). Вся эта работа привела меня к твердому убеждению в необходимости оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для работающих родителей новорожденных и приемных детей – политики, предлагаемой всеми крупными промышленными странами мира, кроме Соединенных Штатов. Теперь, когда большинство американских детей живут в домах, где все взрослые работают, идея оплачиваемого отпуска по

уходу за ребенком казалась мне очень желанной, гуманной, запоздалой. Но этот идеал столкнулся с новой реальностью – многие правые выступают против самой идеи государственной помощи работающим семьям. Фактически, помимо военных, они не хотят большого правительства вообще. Другие идеалы – усиление защиты окружающей среды, предотвращение глобального потепления, искоренение бездомности – сталкиваются с той же плотно закрытой дверью. Я поняла, что если мы хотим государственной помощи в достижении любой из этих целей, нам нужно понять тех, кто видит в правительстве скорее проблему, чем решение. И так я начала свое путешествие в самое сердце американских правых.

Уже в конце 1960-х, чувствуя раскол в американской культуре, мы с мужем Адамом отправились жить на месяц в Kings Kauai Garden Apartments – с джунглевыми звуками птиц и зверей, транслируемыми на внутренний дворик, украшенный в стиле джунглей, – в Санта-Ане, Калифорния, чтобы попытаться узнать членов Джон Бёрч Сосайети, более ранней правой предшественницы Чаепития. Мы посещали собрания общества и говорили со сколькими людьми могли. Многие из встреченных нами членов выросли в маленьких городках на Среднем Западе и чувствовали себя глубоко дезориентированными в аномичных пригородах Калифорнии; это беспокойство они превращали в убеждение, что американскому обществу грозит захват коммунистами. Оглядываясь вокруг, мы хорошо понимали, почему они чувствова-

ли себя «захваченными» — за несколько лет целые апельсиновые рощи исчезли под парковками и торговыми центрами, что было случаем бешено неспланированного городского расплзания. Мы тоже чувствовали себя захваченными чем-то, но это был не коммунизм.

Типичный пейзаж в Луизиане.

Большую часть жизни я прожила в прогрессивном лагере, но в последние годы я начала хотеть лучше понять тех, кто справа. Как они пришли к своим взглядам? Можем ли мы найти общее дело в некоторых вопросах? Эти вопросы привели меня однажды к тому, что я ездила от завода к заводу в унылых промышленных окраинах Лейк-Чарльза, Луизиана, с Шэрон Галисией — теплой, миниатюрной, белой мате-

рю-одиначкой, светловолосой красавицей – в её объездах по продаже медицинских страховок. Не обращая внимания на оглушительную циркулярную пилу, режущую огромные листы стали, она болтала с рабочими, у которых защитные приспособления были подняты на лбы, а руки скрещены. Она была привлекательной и убедительной скороговоркой. («Что, если с вами случится несчастный случай, вы не сможете оплатить счета или не можете ждать месяц, пока вступит в силу ваша страховка? Мы страхуем вас в течение двадцати четырёх часов».) Пока они тянулись за ручкой, чтобы подписаться, Шэрон говорила с ними об охоте на оленей, о количестве мяса аллигатора в будене – любимой острой луизианской колбасе – и о последней игре «ЛСЮ Тайгерс».

Когда её история разворачивалась во время наших поездок между заводами, Шэрон рассказала, как её отец, молчаливый работник завода, развелся с её проблемной матерью, снова женился и переехал в трейлер в тридцати минутах езды, не сказав ни ей, ни её брату. Я уехала, полная вопросов. Что случилось с её отцом? Как судьба его брака повлияла на неё, когда она была маленькой девочкой, затем женой, а теперь матерью-одиначкой? Какой была жизнь тех молодых людей, с которыми она говорила? Почему эта умная, вдумчивая, решительная молодая женщина – которая сама могла бы извлечь выгоду из оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком – была восторженным членом «Чаепития», для которого эта идея была немыслима?

Я, конечно, прямо поблагодарила Шэрон за то, что она позволила мне сопровождать её в объездах, но позже, в своих мыслях, я снова поблагодарила её за дар доверия и открытости. И через некоторое время мне пришло в голову, что та связь, которую она мне предложила, была драгоценнее, чем я сначала себе представляла. Она строила леса моста эмпатии. Мы, обе стороны, ошибочно полагаем, что эмпатия к «другой» стороне кладет конец ясному анализу, тогда как на самом деле именно по ту сторону этого моста может начаться самый важный анализ.

В английском языке не так много слов, чтобы описать чувство, когда тянешься к кому-то из другого мира и этот интерес встречают с радушием. Создается нечто свое, взаимное. Какой дар. Благодарность, трепет, признательность; для меня все эти слова подходят, и я не знаю, какое выбрать. Но я думаю, нам нужно особое слово, и мы должны отвести для него почетное место, чтобы восстановить то, что может быть отсутствующей клавишей на культурном пианино англоговорящего мира. Наша поляризация и растущая реальность того, что мы просто не знаем друг друга, слишком облегчают нам довольствоваться неприязнью и презрением.

Впервые я испытала это стремление к сближению и ответное стремление, будучи ребенком сотрудника дипломатической службы. В своем детском сознании я получила личную миссию, параллельную миссии моего отца, – подружиться с людьми всех тех стран, куда работа отца нас приводила. Мне

было велено, как я себе представляла, тянуться к людям, которые говорили, одевались, ходили, выглядели и поклонялись иначе, чем мы. Действительно ли мой отец просил меня об этом? Не думаю. Зачем я это делала? Понятия не имела. Это понимание пришло позже. Любопытно, что ту же благодарность за связь я чувствовала, когда много десятилетий спустя ездила от завода к заводу с Шэрон и когда говорила со многими другими, встреченными мной в ходе исследования для этой книги. Я снова чувствовала, что нахожусь в чужой стране, только на этот раз она была моей собственной.

Глава первая.

Путешествие к сердцу

По глинистой дороге красный пикап Майка медленно едет между высокими рядами сахарного тростника – задорные, серебристые метелки машут на октябрьском солнце, простираясь через аллювиальную равнину насколько хватает глаз. Мы находимся на землях плантации Армелиз, как её когда-то называли. В нескольких милях к западу лежит могучая река Миссисипи, прижимающая почвы и отходы Среднего Запада к югу, мимо Нового Орлеана, в Мексиканский залив. «Мы, бывало, ходили босиком между рядами», – говорит Майк. Высокий, добрый белый мужчина шестидесяти четырёх лет, Майк снимает солнечные очки, чтобы осмотреть участок сахарного тростника, и почти останавливается. Он вытягивает руку из окна пикапа далеко влево: «Моя бабушка жила бы вон... там». Двигая рукой вправо, добавляет: «Столярная мастерская моего двоюродного деда Тейна была примерно... там». Рядом был дом ещё одного двоюродного деда Генри, механика по прозвищу «Пук». Мужчина по имени «Пирог» управлял кузницей, где Майк с другом охотились за кусочками металла, которые в его детских глазах сияли «как золото». Его дед Билл присматривал за полями сахарного тростника. Мисс Эрнестина, продолжал Майк, бы-

ла сбоку... этого. Худая чернокожая женщина, волосы в белой бандане, вспоминает Майк: «Она любила готовить ено-та и опоссума для своего гумбо, и мы приносили ей то, что добывали за день охоты, и рыбу чупик тоже. Я слышу, как она кричит из окна, когда у её мужа не заводилась машина. „С этой машиной что-то не так“». Затем Майк показывает на то, что он помнит от грунтовой дороги к своему детскому дому. «Это был дом-ружьё, – задумчиво говорит он. – Можно было выстрелить прямо сквозь него. Но нас, девяти-терых, он вмещал нормально». Дом был отремонтированным помещением для рабов на плантации Армелиз, а отец Майка был сантехником, обслуживавшим дома как на плантации, так и за её пределами. Выглядывая из окна пикапа, ясно, что Майк и я видим разные вещи. Майк видит оживлённый, любимый, ушедший мир. Я вижу зелёное поле.

Мы останавливаемся, вылезаем и идём в ближайший ряд. Майк срезает для нас стебель, удаляет верхушку и хвост и обстругивает две палочки волокнистого сахарного тростника. Мы жуём его и высасываем из него сладость. Вернувшись в пикап, Майк продолжает свои грезы о крошечном исчезнувшем поселении Бандервилль, которое окончательно снесли только в 1970-х. Примерно три четверти жителей были черными и четверть – белыми, и они жили, как он вспоминает, в тесной, неравной гармонии. Детство Майка прошло в эпоху сахара, хлопка и плугов на мулах, а взрослая жизнь – в эпоху нефти. Будучи подростком, зарабатывая деньги на лет-

них каникулах на колледж, он укладывал деревянные доски через кишашие комарами болота, чтобы установить буровые нефтяные платформы. Взрослым, имеющим высшее образование, он обучился на «сметчика» – рассчитывать размер, прочность и стоимость материалов, необходимых для строительства больших платформ, удерживающих буровые вышки в заливе, а также для создания гигантских белых сферических резервуаров, хранящих огромное количество химикатов и нефти. «Когда я был ребенком, ты выставял большой палец на обочине дороги – тебя подвозили. Или, если у тебя была машина, ты подвозил. Если кто-то был голоден, ты кормил его. У тебя было сообщество. Знаешь, что всё это подорвало?» Он делает паузу. «Большое правительство».

Мы забираемся обратно в его красный пикап, делаем глоток воды (он принес пластиковые бутылки для нас обоих) и продолжаем медленно двигаться сквозь тростник, пока наш разговор переходит на политику. «Большинство здешних ребят – каджуны, католики, консерваторы», – объясняет он, добавляя с воодушевлением: «Я за Чаепитие!»

Впервые я увидела Майка Шаффа несколькими месяцами ранее стоящим у микрофона на экологическом митинге на ступенях столицы штата Луизиана в Батон-Руж; его голос срывался от эмоций. Он был жертвой одной из самых страшных, буквально сотрясающих землю экологических катастроф в стране, которая лишила его дома и сообщества – провальной воронки, поглотившей стометровые деревья и

перевернувшей вверх дном сорок акров болота, как я опишу далее. Это породило в моем сознании большой вопрос. Катастрофу вызвала слабо регулируемая буровая компания. Но как сторонник Чаепития Майк приветствовал дерегулирование всех видов со стороны правительства, а также радикальное сокращение государственных расходов – включая расходы на защиту окружающей среды. Как он мог быть одновременно близким к слезам, вспоминая свой потерянный дом, и призывать к миру, лишенному большей части правительства, кроме военных и помощи при ураганах? Я была озадачена. Я чувствовала стену между нами.

Стены эмпатии

Можно сказать, что я приехала в Луизиану с интересом к стенам. Не к видимым, физическим стенам, таким как те, что отделяют католиков от протестантов в Белфасте, американцев от мексиканцев на границе Техаса или, когда-то, жителей Восточного и Западного Берлина. Меня интересовали стены эмпатии. Стена эмпатии – это препятствие для глубокого понимания другого человека, которое может заставить нас чувствовать безразличие или даже враждебность к тем, кто придерживается иных убеждений или чье детство уходит корнями в иные обстоятельства. В период политических потрясений мы хватаемся за быстрые уверенности. Мы втискиваем новую информацию в уже сложившиеся у нас способы

мышления. Мы довольствуемся тем, что знаем наших оппонентов снаружи. Но возможно ли, не меняя своих убеждений, узнать других изнутри, увидеть реальность их глазами, понять связи между жизнью, чувствами и политикой; то есть пересечь стену эмпатии? Я думала, что да.

Я попросила Майка Шаффа показать мне, где он вырос, потому что хотела понять, если смогу, как он видит мир. В качестве вступления я сказала ему: «Я из Антилоп Вэлли, Калифорния, я социолог, и я пытаюсь понять углубляющийся раскол в нашей стране. Поэтому я пытаюсь выбраться из своего политического пузыря и узнать людей в вашем». Майк кивнул, услышав слово «раскол», затем съязвил: «Антилоп Вэлли? Так вы, должно быть, коммунисты!» Он усмехнулся, как бы говоря: «Мы, каджуны, умеем смеяться, надеюсь, вы тоже».

Он не усложнял задачу. Высокий, крепко сложенный мужчина в очках в светло-коричневой оправе, он говорил сжато, тихим, почти бормочущим голосом, был склонен как к задушевным, иногда самоироничным, размышлениям, так и к стойким заявлениям в Facebook. Объясняя свое происхождение, он сказал: «Моя мама была каджуной, а папа – немцем. Мы, каджуны, называем себя „кун ассы“ (енотовые задницы). Так как я был наполовину каджуном и наполовину немцем, мама называла меня полужопым». Мы рассмеялись. Майк был одним из семерых детей, которых его отец вырастил на зарплату сантехника. «Мы не знали, что были бед-

ны», — сказал он, рефрен, который я часто слышала среди тех, кого узнала на крайне правых, когда они говорили о своем детстве или детстве своих родителей. У Майка был глаз инженера, любовь спортсмена к рыбе и дичи и ухо натуралиста, различающее крик древесной лягушки. Я не знала ни одного члена Чаепития, чтобы действительно поговорить с ними, а он не знал многих таких, как я. «Я за жизнь, за оружие, за свободу жить своей жизнью, как мы считаем нужным, пока мы не причиняем вреда другим. И я против большого правительства», — сказал Майк. «Наше правительство слишком большое, слишком жадное, слишком некомпетентное, слишком купленное, и оно больше не наше. Нам нужно вернуться к нашим местным сообществам, как у нас было в Армелиз. Честно говоря, нам было бы лучше».

Не только две основные политические партии страны разошлись еще дальше по таким вопросам, но и политические чувства уходят глубже, чем в прошлом. В 1960 году, когда в ходе опроса взрослых американцев спросили, «обеспокоило» бы их, если бы их ребенок женился на члене другой политической партии, не более 5 процентов из любой партии ответили «да». Но в 2010 году 33 процента демократов и 40 процентов республиканцев ответили «да». Фактически, партиизм, как его некоторые называют, теперь превосходит расу как источник разделяющих предрассудков.

Когда американцы переезжали в прошлом, они отправлялись на поиски лучшей работы, более дешевого жилья или

более мягкого климата. Но согласно книге «Большая сортировка: почему кластеризация единомышленников-американцев разрывает нас на части» Билла Бишопы и Роберта Г. Кушинга, когда люди переезжают сегодня, они чаще делают это, чтобы жить рядом с другими, разделяющими их взгляды. Люди сегрегируют себя в разные эмоционально окрашенные анклавы – гнев здесь, надежда и доверие там. Группа либертарианцев из Техаса купила землю на солончаках к востоку от Эль-Пасо, назвала её Полвилль и зарезервировала для восторженных «свободолюбивых» последователей Рона Пола. И чем больше люди ограничиваются обществом единомышленников, тем более крайними становятся их взгляды. Согласно исследованию Pew 2014 года, охватившему более 10 000 американцев, наиболее политически активные с каждой стороны считают представителей «другой партии» не просто неправыми, но настолько заблуждающимися, что они угрожают благополучию нации. По сравнению с прошлым, каждая сторона также все больше получает новости со своего собственного телеканала – правые с Fox News, левые с MSNBC. И так разрыв расширяется.

Мы живем в том, что New Yorker назвал «эпохой Чаепития». Около 350 000 человек являются активными членами, но, согласно другому опросу Pew, около 20 процентов американцев – 45 миллионов человек – поддерживают его. И раскол проходит через поразительное разнообразие вопросов. Девяносто процентов демократов верят в роль че-

ловека в изменении климата, показывают опросы, по сравнению с 59 процентами умеренных республиканцев, 38 процентами консервативных республиканцев и только 29 процентами сторонников Чаепития. Фактически, политика является единственным самым важным фактором, определяющим взгляды на изменение климата.

Этот раскол расширился потому, что правые сместились вправо, а не потому, что левые сместились влево. Президенты-республиканцы Эйзенхауэр, Никсон и Форд поддерживали Поправку о равных правах. В 1960 году платформа GOP одобрила «свободные коллективные переговоры» между руководством и рабочими. Республиканцы хвастались «распространением минимальной заработной платы еще на несколько миллионов рабочих» и «укреплением системы страхования по безработице и расширением ее пособий». При Дуайте Эйзенхауэре самые высокооплачиваемые облагались налогом в 91 процент; в 2015 году он составлял 40 процентов. Planned Parenthood подверглась серьезным атакам почти со всех кандидатов в президенты от республиканцев, баллотировавшихся в 2016 году. Но одним из основателей организации была Пегги Голдуотер, жена кандидата в президенты от консервативных республиканцев 1968 года Барри Голдуотера. Генерал Эйзенхауэр призывал к масштабным инвестициям в инфраструктуру, а теперь почти все республиканцы в Конгрессе считают это пугающим превышением полномочий правительства. Рональд Рейган увеличил

государственный долг и выступал за контроль над оружием, а теперь законодательное собрание штата Техас от республиканцев разрешает гражданам «открыто носить» заряженное оружие в церквях и банках. Вчерашние консерваторы сегодня кажутся умеренными или либералами.

Крайне правые теперь призывают к сокращению целых сегментов федерального правительства – например, Департаментов образования, энергетики, торговли и внутренних дел. В январе 2015 года пятьдесят восемь республиканцев Палаты представителей проголосовали за упразднение Налоговой службы. Некоторые кандидаты в Конгресс от республиканцев призывают упразднить все государственные школы. В марте 2015 года контролируемый республиканцами Сенат США проголосовал 51 против 49 в поддержку поправки к проекту бюджета о продаже или передаче всех не military федеральных земель, кроме национальных памятников и национальных парков. Это включало бы леса, заповедники дикой природы и территории дикой природы. В 1970 году ни один сенатор США не выступил против Закона о чистом воздухе. Вместе с девяноста пятью конгрессменами-республиканцами сенатор от Луизианы Дэвид Виттер, одного из самых загрязненных штатов в союзе, призвал к ликвидации Агентства по охране окружающей среды.

И отказ Чаепития от правительства может сигнализировать о более широкой тенденции. Во время депрессии 1930-х годов американцы обратились к федеральному правитель-

ству за помощью в экономическом восстановлении. Но в ответ на Великую рецессию 2008 года большинство американцев отвернулись от него. По мере того как политический разрыв расширяется, а мнения ожесточаются, ставки становятся неизмеримо выше. Ни рядовые граждане, ни лидеры не ведут особых разговоров «через проход», нанося ущерб самому удивительно хрупкому процессу управления. Соединенные Штаты были разделены и раньше, конечно. Во время Гражданской войны разница в убеждениях привела к примерно 750 000 смертей. В бурные 1960-е также возникали столкновения по поводу войны во Вьетнаме, гражданских прав и прав женщин. Но в конечном счете здоровая демократия зависит от коллективной способности все улаживать. А чтобы прийти к этому, нам нужно выяснить, что происходит – особенно на правом фланге, который быстро смещается и становится все сильнее.

Великий парадокс

Вдохновленная книгой Томаса Франка «Что случилось с Канзасом?», я начала свое пятилетнее путешествие в самое сердце американских правых, неся с собой, как рюкзак, великий парадокс. В 2004 году, когда вышла книга Франка, существовал парадокс, лежащий в основе раскола между правыми и левыми. С тех пор раскол превратился в пропасть.

По всей стране красные штаты беднее, в них больше ма-

терей-подростков, больше разводов, хуже здоровье, больше ожирения, больше смертей от травм, больше младенцев с низким весом при рождении и ниже охват школьным образованием. В среднем люди в красных штатах умирают на пять лет раньше, чем люди в синих штатах. Действительно, разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между Луизианой (75,7) и Коннектикутом (80,8) равен разрыву между Соединенными Штатами и Никарагуа. Красные штаты страдают еще одним очень важным, но малоизвестным образом, который говорит о самом биологическом эгоистическом интересе в здоровье и жизни: промышленное загрязнение.

Луизиана является крайним примером этого парадокса. «Мера Америки», доклад Совета по социальным наукам, ранжирует каждый штат США по «человеческому развитию». Каждый ранг основан на ожидаемой продолжительности жизни, охвате школьным образованием, уровне образования и медианном личном заработке. Из 50 штатов Луизиана заняла 49-е место, а по общему здоровью – последнее. Согласно Национальному отчету за 2015 год, Луизиана заняла 48-е место из 50 по чтению в восьмом классе и 49-е место из 50 по математике в восьмом классе. Только восемь из десяти жителей Луизианы окончили среднюю школу, и только 7 процентов имеют ученую степень или степень специалиста. Согласно «Данным подсчета детей», составленным Фондом Энни Э. Кейси, Луизиана заняла 49-е место из 50 по благополучию детей. И проблема превосходит расу; средний чер-

нокожий в Мэриленде живет на четыре года дольше, зарабатывает вдвое больше и в два раза чаще имеет высшее образование, чем чернокожий в Луизиане. А белые в Луизиане живут хуже, чем белые в Мэриленде или где-либо еще, кроме Миссисипи. Луизиана также страдает от многих экологических проблем: здесь около 400 миль низкой, плоской, опускающейся береговой линии, и штат теряет участок водно-болотных угодий размером с футбольное поле каждый час. Ей угрожают повышение уровня моря и сильные ураганы, которые ведущие ученые мира связывают с изменением климата.

Разлив нефти в Мексиканском заливе (2010 год).

Учитывая такой набор проблем, можно было бы ожидать,

что люди приветствуют федеральную помощь. На самом деле, очень большая доля годовых бюджетов красных штатов – в случае Луизианы 44 процента – действительно поступает из федеральных фондов; федеральное правительство дает 2400 долларов на каждого жителя Луизианы в год.

Но Майк Шафф не приветствует эти федеральные деньги и сомневается в науке об изменении климата: «Я буду беспокоиться о глобальном потеплении через пятьдесят лет», – говорит он. Майк любит свой штат и любит жизнь на открытом воздухе. Но вместо того чтобы обращаться к правительству, он, как и другие члены Чаепития, обращается к свободному рынку. Мать Майка голосовала за демократа от Луизианы Эда Эдвардса, потому что тот был каджун, и за Джека Кеннеди, потому что тот был католиком; «демократ» не был ругательным словом, когда он рос. Но сейчас это так. Майк долгое время работал на малом предприятии и выступает за свободный рынок для бизнеса любого размера, и из этого, казалось, вытекал еще один парадокс. Многие сторонники Чаепития работают на малых предприятиях или управляют ими. Тем не менее политики, которых они поддерживают, одобряют законы, которые укрепляют монопольную власть самых крупных компаний, готовых поглотить более мелкие. Мелкие фермеры голосуют вместе с Monsanto? Владелец угловых аптек голосует вместе с Walmart? Владелец местного книжного магазина голосует вместе с Amazon? Если бы я была владелицей малого бизнеса, я бы, конечно, привет-

ствовала снижение корпоративных налогов, но укрепление монополий, которые могут вытеснить меня из бизнеса? Я не понимала.

Вокруг этих головоломок была еще одна, покрупнее: как может система одновременно создавать боль и перенаправлять вину за эту боль? В 2008 году безрассудные и до плачевности слабо регулируемые инвесторы с Уолл-стрит заставили многих потерять сбережения, дома, работу и надежду. Тем не менее, годы спустя, под знаменем «свободного рынка», многие в растущих правых малых городах защищают Уолл-стрит от правительственного «чрезмерного регулирования». Что может происходить?

Возможно, лучший способ это выяснить, подумала я, — это обратиться вспять «Большую сортировку», покинуть мой синий район и штат, въехать в красный штат и попытаться преодолеть стену эмпатии. Мои соседи и друзья на моей стороне стены более или менее похожи на меня. У них есть степень бакалавра или выше, и они ежедневно читают New York Times. Они едят органическую пищу, перерабатывают свой мусор и пользуются BART (общественной железнодорожной системой), когда могут. Большинство выросло на том или ином побережье. Некоторые посещают церковь, но многие называют себя «духовными» и не ходят в церковь регулярно. Многие работают в государственном или некоммерческом секторе и так же озадачены всем этим, как и я. Когда я начинала, у меня не было близкого друга, который

родился бы на Юге, только один работал в нефтяной отрасли, и ни одного в Чаепитии.

В своем эссе в *New York Times* «Кто превратил мой синий штат в красный?» Алек Макгиллис предлагает интригующий ответ на Великий парадокс. Люди в красных штатах, которым нужны Medicaid и продовольственные талоны, приветствуют их, но не голосуют, утверждает он, в то время как те, кто находится на ступеньку выше на классовой лестнице, белые консерваторы, не нуждаются в них и голосуют – против государственных денег для бедных.

Эта тезис «на две ступеньки выше» дает нам часть ответа, но не большую. Во-первых, как мне предстояло обнаружить, состоятельные люди, которые голосуют против государственных услуг, все равно ими пользуются. Практически каждый сторонник Чаепития, которого я опрашивала для этой книги, лично извлек выгоду из крупной государственной услуги или имеет близких родственников, которые извлекли. У нескольких были пожилые родители-инвалиды, не имевшие частной страховки долгосрочного ухода, и они объявляли их неимущими, чтобы те могли получать Medicaid. Другой мужчина, чья жена страдала от тяжелого инвалидизирующего заболевания, уход за которым разорил бы его, с любовью развелся с ней, чтобы сделать её eligible для Medicaid. Трудоспособный брат неодобряющей сестры – оба члены Чаепития – получал пособие SNAP. Брат другого подавал заявление на пособие по безработице на время

сезона охоты. Большинство говорили: «Раз это существует, почему бы не воспользоваться?» Но многим было стыдно, и они просили меня не связывать их личность с таким поступком, что я и сделала. Но стыд не остановил тех, кто не одобрял государственные услуги, от их использования.

Макгиллис предполагает, что избиратели на самом деле действуют в своих интересах. Но так ли это? Идея «на две ступеньки выше» не объясняет, почему избиратели в красных штатах, которые сами не были миллиардерами, выступали против налогообложения миллиардеров, деньги от которого могли бы помочь расширить местную библиотеку или добавить качели в местный парк. Лучший способ проверить идею Макгиллиса, как я рассудила, – это выбрать проблему, которая действительно существует у состоятельных избирателей в бедных красных штатах, и показать, что они не хотят государственной помощи даже для этого. Другими словами, избиратель «на две ступеньки выше» может сказать: «Давайте сократим пособия бедным, потому что я не беден». Или: «Неважно, улучшать государственные школы. Мой ребенок ходит в частную» – хотя никто из опрошенных мной так не говорил. Но они действительно сталкиваются с другими проблемами, с которыми правительство могло бы помочь, что подводит меня к ключевой проблеме в этой книге: загрязнение окружающей среды. Я рассудила, что через пристальное рассмотрение этой проблемы я смогу раскрыть более широкую перспективу, которая определяла реакцию людей на неё

и многое другое.

Для начала я хотела отправиться в географическое сердце правых – на Юг. Почти весь недавний рост правых произошел ниже линии Мейсона-Диксона – области, которая, охватывая первоначальные штаты Конфедерации, составляет треть населения США. За последние два десятилетия Юг также вырос на 14 процентов. Между 1952 и 2000 годами среди белых на Юге, имеющих среднее образование, число республиканцев увеличилось на 20 процентов, а среди белых с высшим образованием рост был еще выше. В целом по стране белые сместились вправо: между 1972 и 2014 годами их доля сократилась с 41 процента всех демократов до 24 процентов, а среди республиканцев выросла с 24 до 27 процентов. (Белые независимые также выросли за это время, большинство из них склонялись вправо.) Так что если я хотела понять правых, мне нужно было узнать белый Юг.

Но куда именно на Юге мне отправиться? На выборах 2012 года в целом по стране 39 процентов белых избирателей проголосовали за Барака Обаму. На Юге – 29 процентов. А в Луизиане – 14 процентов – меньшая доля, чем в целом по Югу. Согласно одному опросу 2011 года, половина жителей Луизианы поддерживает Чаепитие. Наряду с Южной Каролиной, Луизиана также имела самую высокую долю представителей штата в Палате представителей США в Фракции Чаепития.

По счастливой случайности, у меня был один контакт в

Луизиане – Салли Каппель, свекровь моего бывшего аспиранта. Именно Салли должна была познакомить меня с бейсбольным Югом и, через подругу, с правыми внутри него. Художница из Лейк-Чарльза, Салли была прогрессивным демократом, который на праймериз 2016 года поддерживал Берни Сандерса. Очень дорогая подруга Салли и стюардесса, путешествующая по миру, из Опелусаса, Луизиана, Ширли Слэк была энтузиасткой Чаепития и Дональда Трампа. Обе женщины вступили в женские клубы (хотя и в разные) в Университете штата Луизиана. Каждая вышла замуж, родила троих детей, жила в домах в нескольких минутах ходьбы друг от друга в Лейк-Чарльзе и имела ключи от домов друг друга. Каждая любила детей другой. Ширли знала родителей Салли и даже советовалась с матерью Салли, когда они начинали «слишком много ссориться». Они обменивались подарками на дни рождения и Рождество и вместе просматривали газету в поисках объявлений о предстоящих культурных событиях, которые они, когда были соседками в Лейк-Чарльзе, посещали вместе. Однажды, когда я оставалась на ночь у Ширли в Опелусасе, я заметила висящую на стене гостевой комнаты картину акварелью, которую Салли нарисовала в подарок для одиннадцатилетней дочери Ширли, мечтавшей стать балериной. С одним вытянутым носком на пухлом пастельном облачке, другая нога высоко поднята, голова балерины была окружена желтыми звездообразными бабочками. Это была любящая картина детской мечты – которая

сбылась. Обе женщины следили за новостями по телевизору – Салли через Рэйчел Мэддоу на MSNBC, а Ширли – через Чарльза Краутхаммера на Fox News, и каждая обсуждала эти разные репортажи со своим единомышленником-мужем. Две женщины разговаривают по телефону два или три раза в неделю, а их взрослые дети поддерживают связь, частично через тот же политический разрыв. Хотя эта книга не о личной жизни этих двух женщин, она не могла бы быть написана без них обеих, и я верю, что их дружба моделирует то, что нашей стране необходимо создать: способность устанавливать связь, несмотря на различия.

Для начала я прочитала, что другие мыслители говорили о росте правых. На одном конце спектра некоторые утверждали, что группа очень богатых людей, желающих уберечь свои деньги, наняла «движенческих предпринимателей» для создания «искусственного низового движения». В фильме «Чаепитие миллиардеров», например, австралийский режиссер Таки Олдхэм обнаружил, что местные «гражданские группы», бросающие вызов изменению климата, финансировались нефтяными компаниями, и утверждал, что популистский антиправительственный гнев был организован по корпоративной стратегии. Другие утверждали, что чрезвычайно богатые люди вдохнули жизнь в движение, не отрицая, что низовая поддержка была подлинной. Штатный писатель New Yorker Джейн Майер описывает стратегию братьев-миллиардеров-нефтяных магнатов Чарльза и Дэвида Кох по на-

правлению 889 000 000 долларов на помощь правым кандидатам и инициативам только в 2016 году. «Чтобы добиться социальных изменений, – говорит Чарльз Кох, – требуется стратегия», использующая «вертикально и горизонтально интегрированное» планирование «от создания идей до разработки политики, до образования, до низовых организаций, до лоббирования, до судебных разбирательств, до политических действий». Это было похоже на огромную, расплзающуюся компанию, которая владеет лесом, целлюлозным заводом, издательством и платит авторам за написание предвзятых книг. Такая политическая «компания» могла обладать поразительным влиянием. Особенно в годы после решения «Граждане США против Федеральной избирательной комиссии» 2010 года, когда Верховный суд разрешил неограниченные анонимные корпоративные пожертвования политическим кандидатам, это влияние действительно действует. Всего 158 богатых семей внесли почти половину из 176 миллионов долларов, пожертвованных кандидатам на первом этапе президентских выборов 2016 года – 138 миллионов долларов республиканцам и 20 миллионов долларов демократам. Через организацию «Американцы за процветание» братья Кох распространили в Конгрессе обязательство ограничить полномочия Агентства по охране окружающей среды.

Плантация Армелиз, где родился Майк Шафф, и Байу-Корн, где он жил и надеялся умереть, находились в несколь-

ких милях от участка Миссисипи, который теперь утыкан нефтехимическими заводами и в народе, не без оснований, называется «Аллея рака». Была ли забота об этой проблеме в интересах Майка Шаффа? Он так думал. Никто не платил ему за посещение местных собраний Чаепития, как и его соседям, многие из которых разделяли его взгляды.

В книге «Что случилось с Канзасом?» Франк утверждает, что такие люди, как Майк, в значительной степени введены в заблуждение. «Экономическая повестка» богатого человека сочетается с «приманкой» социальных вопросов. Апеллируя к запрету аборт, правам на оружие и молитвам в школах, Майк и его единомышленники убеждены принять экономическую политику, которая вредит им. Как пишет Франк: «Проголосуйте за запрет абортов: получите снижение налогов на прирост капитала... Проголосуйте за то, чтобы правительство убралось с наших плеч; получите конгломерацию и монополию везде – от СМИ до упаковки мяса. Проголосуйте, чтобы нанести удар по элитаризму; получите социальный порядок, в котором богатство более сконцентрировано, чем когда-либо при нашей жизни». Его любимые сограждане-канзасцы, утверждает Франк, находятся в ужасном заблуждении.

*Катастрофа озера Пенёр: из-за прорыва соляной шахты
целое озеро ушло под землю.*

Так как же это работает – быть введенным в заблуждение? Можем ли мы быть умными, пытливыми, хорошо информированными и все же введенными в заблуждение? Майк был очень умен, пользовался многочисленными источниками новостей – хотя его главным источником было Fox News – и бесконечно обсуждал политику с семьей, соседями и друзьями. Как и я, он тоже жил в анклавном единомышленников. Майк не думал, что финансируемая Кохами машина идей дурачит его. Фактически, Майк задавался вопросом, не дурачит ли меня финансируемая Соросом машина. Купленное политическое влияние реально, мощно и действует, я думаю, но как объяснение того, почему любой из нас верит в то, во что верит, «одурачивание» – и предположение о легковёрности – это слишком простая идея.

Наши домашние анклавы часто отражают особые культуры управления, связывающие политику с географией. Это тезис Колина Вударда в книге «Американские нации». Сельские районы Среднего Запада, Юга и Аляски склоняются вправо, в то время как крупные города, Новая Англия и оба побережья склоняются влево, отмечает он. Связанные традицией малого городского управления и ориентированные на Европу, жители Новой Англии склонны верить в хорошее правительство для «общего блага». Жители Аппалачей

и Техаса, как правило, свободолюбивые минималисты в вопросах правительства. Уходя корнями к кастовой системе, белые в штатах Дикси дорожат местным контролем и сопротивляются федеральной власти – связанной, как это было, с поражением 150 лет назад Юга от Севера. Сопротивление федеральному налогообложению, отмечает историк Робин Эйнхорн, также зародилось на Юге. Региональные традиции, конечно, реальны, но менее неизменны, чем предполагает Вудард. И хотя крайне правые сильнее всего на Юге, большинство их членов составляют демографическую группу – белые, с низким и средним доходом, старшего возраста, женатые, христиане – которая распространена по всей стране.

Остатки озера Пенёр после катастрофы.

Другие указывают на моральные ценности правых. В книге «Праведный ум», например, Джонатан Хайдт утверждает, в отличие от Франка, что люди не введены в заблуждение, а голосуют в своих интересах – основанных на культурных ценностях. Хотя правые и левые ценят заботу и справедливость, отмечает он, они по-разному расставляют приоритеты в отношении, например, послушания авторитету (правые) и оригинальности (левые). Безусловно, это правда. Но человек может придерживаться набора ценностей спокойно или в состоянии ярости, которое порождает совершенно новую партию. В чем разница между этими двумя состояниями? Тогда Скочпол и Ванесса Уильямсон справедливо утверждают, что это уникальное стечение обстоятельств – предрасполагающих факторов и непосредственных причин. Среди последних главными были Великая рецессия 2008 года и усилия правительства по её предотвращению, президентство Барака Обамы и Fox News.

Хотя все эти работы очень помогли мне, я обнаружила, что в них всех не хватает одного – полного понимания эмоций в политике. Что, хотела я знать, люди хотят чувствовать, что, по их мнению, они должны или не должны чувствовать, и что они чувствуют по отношению к ряду вопросов? Когда мы слушаем политического лидера, мы не просто слышим слова; мы слушаем, будучи предрасположены хотеть чувствовать определенные вещи. Некоторые широ-

кие эмоциональные идеалы разделяются по всему политическому спектру, но другие – нет. Одни гордятся Америкой со статуей Свободы, которая говорит: «Отдайте мне ваших уставших, ваших бедных, ваши сплоченные массы», в то время как другие стремятся гордиться Америкой, соблюдающей Конституцию, поднимающейся самостоятельно.

Здесь действуют «правила чувств» – левые и правые. Правые ищут освобождения от либеральных представлений о том, что они должны чувствовать – радость за новобрачных геев, печаль о бедствиях сирийских беженцев, отсутствие негодования по поводу уплаты налогов. Левые видят предубеждения. Такие правила бросают вызов эмоциональной основе правых убеждений. И именно к этой основе может вызвать такой свободный кандидат, как миллиардер-предприниматель Дональд Трамп, кандидат в президенты от республиканцев в 2016 году, говоря, глядя на толпы сторонников: «Видите всю эту страсть».

Я поняла, что мы можем приблизиться к этой основе через то, что я называю «глубинной историей» – историей, которая ощущается как правдивая. Как если бы я смотрела сквозь Алисино зазеркалье, глубинная история должна была привести меня к месту давно назревающего социального конфликта, игнорируемого как левыми «Захвати Уолл-стрит» – которые смотрели на 1 и 99 процентов в частной сфере как на место классового конфликта, – так и антиправительственными правыми, которые считают различия в

классе и расе вопросами личного характера. Глубинная история должна была привести меня к долженствованиям и недолженствованиям чувств, к управлению чувствами и к основным эмоциям, пробуждаемым харизматичными лидерами. И, как мы увидим, у каждого есть глубинная история.

Визиты и сопровождения

Но сначала – люди. Первоначально я обосновалась в Лейк-Чарльзе, городе с населением 74 000 человек на юго-западе Луизианы, примерно в тридцати милях к северу от Мексиканского залива. Половина были белыми, половина черными, многие каджунского происхождения. Три процента были рождены за границей. Двадцать три процента жителей имели степень бакалавра, а медианный годовой доход домохозяйства составлял 36 000 долларов. Расположенный в приходе Калкасю (французское наследие Луизианы привело к использованию «приходов» вместо «округов»), Лейк-Чарльз проводит семьдесят пять фестивалей в окрестностях, а его Музей Марди Гра претендует на самую большую коллекцию костюмов Марди Гра в мире. Он привлекает туристов в свои три крупных казино и рабочих в свою быстро расширяющуюся нефтехимическую промышленность.

Оказавшись там, я искала членов крайне правых разными способами. Для начала Салли Каппель и Ширли Слэк помогли организовать четыре фокус-группы: две состояли из

либералов, две – из сторонников Чаепития. Каждая группа встречалась на кухне Салли, и после сессий Чаепития я проводила интервью с отдельными сторонниками Чаепития, иногда также беседуя с их супругами и родителями. Я говорю «интервью», потому что просила людей подписать лист с описанием моей цели, прежде чем мы начинали разговор. Но через два-три часа они часто говорили, что им было очень приятно с вами побеседовать, и, по правде говоря, эти сессии часто превращались в смесь интервью и визита.

Один бухгалтер, с которым я познакомилась через фокус-группу Чаепития, пригласил меня на серию ежемесячных обеденных собраний «Женщин-республиканок Юго-Западной Луизианы», игриво заметив: «Может быть, мы изменим ваше мнение!» Там я обнаружила многолюдное, хорошо организованное собрание белых женщин среднего возраста, профессионалок, и специальный столик для подростков в красных футболках. На каждом обеде я знакомилась с новыми людьми за своим столом и договаривалась о встречах с ними, часто знакомясь с их семьями, а иногда и с соседями. Меня пригласили посетить две частные христианские школы и побывать на церковных службах и мероприятиях баптистов, пятидесятников и католиков, включая кулинарный конкурс гумбо для пятидесятников старше сорока. Одна женщина на обеде республиканок была женой пастора-пятидесятника, которая познакомила меня со многими в своей церкви и пригласила присоединиться к ней и её

подругам в игру в Rook (карточная игра из пятидесяти семи карт, так называемый «миссионерский покер», который предлагает евангельским игрокам счастливую альтернативу карточным играм, связанным с азартом). Я встретила мужчину, чей двоюродный дед был Великим Магом Ку-клукс-клана (по этой причине его дед переехал в другой город), и встретила белую сторонницу Чаепития и убежденную баптистку, которая усыновила афроамериканского ребенка и ребенка из Южной Америки.

Я также следила за ходом предвыборных кампаний кандидата-республиканца в Сенат США и его соперника из Чаепития, что привело меня на «Пикник из жареного поросенка» в Акадиан-Виллидж в Лафайете, на фестиваль риса и лодочный парад в Нью-Иберии, на мероприятие по мобилизации избирателей в Кроули и на встречу профсоюза в Рейне. На каждой остановке я болтала со своими соседями. Морской биолог и экологический активист Майк Тритико – политически независимый, сын владельца мебельного магазина – рассказал мне о своих друзьях-правых, которые яростно выступали против его активизма. Высокий мужчина семидесяти лет, с учительскими манерами и энциклопедическим знанием местной промышленности, он одними считался отшельником (он жил в неубранной хижине в лесу Лонгвилля), другими – святым, а чиновниками государственных регуляторных органов – занозой в боку. Я спросила, могу ли я составить ему компанию и встретиться с его оппонентами.

Майк согласился.

Трейлерный парк в Луизиане: американская бедность.

За пять лет я накопила 4690 страниц расшифровок интервью с группой из сорока сторонников Чаепития и двадцатью другими людьми из разных слоев общества – учителями, социальными работниками, юристами и государственными служащими, – которые расширили мой взгляд на мою основную группу. Из этой основной группы я выбрала небольшое количество людей, которые особенно хорошо иллюстрировали определенные модели. С их разрешения я сопровожда-

ла их, прося показать, где они родились, где учились в школе и в церкви, где делали покупки, и веселилась вместе с ними, пытаясь понять, что на них повлияло. Хотя все они поддерживали Чаепитие, они сильно различались между собой. Некоторые ходили в церковь три раза в неделю, другие – вообще не ходили. У некоторых было семь единиц оружия, у других – три, причем некоторые хранились за стеклом, другие – в прикроватном ящике. Они по-разному относились к бедности. Один мужчина сказал: «Я спросил охранника в нашем местном продуктовом магазине, что чаще всего воруют. Он сказал, что это в основном рис, бобы и детское питание. Это о многом говорит». Другие считали такие сообщения «преувеличенными». Они различались в своих страхах. Один мужчина рассказал мне, что купил в магазине подержанных товаров медицинский справочник на случай, если экономика «рухнет и сгорит», и ему придется самому вправлять сломанную руку. Другой запасался провизией на случай, если «мы все должны стать самодостаточными», и его соседи делали то же самое. Большинство были менее встревожены. Моя основная группа также различалась по степени подозрительности к президенту Обаме и по степени его унижения. На странице одного сторонника Чаепития в Facebook были показаны полицейские фотографии президента Обамы – анфас и профиль – с табличкой с именем под его изображением, в то время как другой изображал его в «социальном жилье». Большинство были злы, напуганы, некоторые опла-

кивали реальные потери, но и по своему эмоциональному складу они тоже сильно различались. (Подробнее о моем исследовании см. в Приложении А.)

Я определенно была не в Антилоп Вэлли, Калифорния. Прежде всего, иногда встречались особые обороты речи. «Быстрее, чем утка съест июньского жука... По самую задницу в аллигаторах...» Один мужчина называл не украшенную – да-нет – речь «янки-говорением». Ландшафт был усеян величественными и скромными церквями, в некоторых городах – по одной на квартал. Три прохода в крупнейшем книжном магазине Лейк-Чарльза были посвящены Библиям разных цветов, форматов и размеров шрифта, а также кожаным тетрадам для изучения Библии. Некоторые рестораны рекламировали «специальные предложения на время Великого поста», обращаясь к католическим французским креолам и каджунам. Определенные отсутствия также напоминали мне, что я не дома: ни одной New York Times в газетном киоске, почти никаких органических продуктов в продуктовых магазинах или на фермерских рынках, никаких зарубежных фильмов в кинотеатрах, мало малолитражек, меньше маленьких размеров одежды в магазинах, меньше пешеходов, говорящих на иностранных языках в мобильные телефоны – да и вообще меньше пешеходов. Было меньше желтых лабрадоров и больше питбулей и бульдогов. Забудьте о велосипедных дорожках, цветных мусорных баках для раздельного сбора или солнечных панелях на крышах. В неко-

торых кафе практически всё в меню было жареным. Перед едой не было вопросов о блюдах без глютена, а ужин обычно начинался с молитвы. К востоку от Лейк-Чарльза и вдоль полосы нефтехимических компаний, выстроившихся вдоль нижней Миссисипи, я видела довольно много вывесок юристов по личным травмам («Просто позвоните Чаку»). В отсутствие талисманов моего мира и в присутствии их мира я осознала, что Чаепитие – это не столько официальная политическая группа, сколько культура, способ видеть и чувствовать место и его людей.

Я сравнила зарегистрированные студенческие группы в Университете штата Луизиана в Батон-Руж (альма-матер некоторых из моих собеседников) с группами в Калифорнийском университете в Антилоп Вэлли, где я давно преподаю. В Университете штата Луизиана (кампус примерно на 30 000 студентов имел около 375 студенческих групп) я нашла студенческие отделения «Нефтепромышленного христианского братства», «Агробизнес-клуба», «Ассоциации управления качеством воздуха и отходами», «Общества петрофизики и аналитиков каротажных диаграмм» и «Общества военных игр и ролевых игр (WARS)» – ни одно из которых не имело аналогов в Калифорнийском университете в Антилоп Вэлли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.